

В защиту «дешевого читива»

Одним из наиболее наглядных примеров того, насколько мы недооцениваем жизнь простых людей, может служить наше пренебрежение к «вульгарному читиву». Обвинять приключенческий жанр в литературной несостоятельности — все равно что обвинять современный роман в химической, экономической или астрономической несостоятельности. «Вульгарная» литература не вульгарна уже хотя бы потому, что захватывает пылкое воображение миллионов читателей.

В свое время образованный класс игнорировал безликую массу развлекательной литературы. Но игнорировать вовсе не значит презирать. Равнодушие, безразличие несовместимы с чванством. Ведь не станет же человек, лихо подкручивая ус, кичиться своим превосходством над неведомой ему морской тварью. Точно так же и ученые мужи прошлого попросту не опускались до сточных вод популярного сочинительства.

Сейчас мы изменили этому принципу. Мы в прямом смысле слова презираем подобные сочинения. Издеваясь над ограниченностью, мы сами подвергаемся серьезной опасности сделаться ограниченными... Из всех жанров развлекательного читива более всего, на мой взгляд, достается приключенческой литературе. Этот жанр подвергается особенно едким нападкам, а между тем юношеская приключенческая литература стара как мир — и никогда не устареет. Справедливости ради скажем, что авантюрный роман претендует на литературность не больше, чем застольная беседа его читателей претендует на ораторское искусство; не больше, чем дома, в которых они уютятся, претендуют на право считаться архитектурными памятниками. Отказывать людям в возможности упиваться развлекательными сериями — все равно что отказывать им в праве разговаривать на бытовые темы или иметь крышу над головой. Естественная человеческая потребность в идеальном мире, в котором беспрепятственно действуют вымышленные персонажи, неизмеримо глубже и древнее, чем выверенные постулаты литературного мастерства. В детстве нам всем было свойственно разыгрывать выдуманные ситуации, но нашим няням почему-то никогда не приходило в голову сравнивать наше «творчество» с творчеством Бальзака. На востоке профессиональный сказитель ходит из селения в селение с ковриком под мышкой, и мне бы очень хотелось, чтобы всякий рассказчик нашел в себе моральное мужество расстелить этот коврик и усесться на него в самом центре Лондона. При этом маловероятно, чтобы все без исключения истории бродячего сказителя переливались драгоценными камнями истинного искусства. Литература и беллетристика — вещи совершенно разные. Литература — лишь роскошь; беллетристика — необходимость. Произведение искусства может быть сколь угодно коротким, ибо все его достоинство — в кульминации. Приключенческий роман может быть сколь угодно длинным — расставаться с ним так же жалко, как с последним пенни или с последней спичкой. А потому в той же мере, в какой современное высокое искусство в своих наиболее изощренных опытах стремится к предельной краткости и импрессионизму, «вульгарное» искусство в своих наиболее коммерческих проявлениях тяготеет к сюжетной непрерывности. Балладам о Робин Гуде не было конца, как нет конца похождениям Дика Мертвой Головы или Девяти Мстителей. Бессмертие — неперемное условие существования этих персонажей.

Отказываясь открыто признать тот общеизвестный факт, что непритязательная молодежь всегда увлекалась и будет увлекаться бесформенными и бесконечными романтическими похождениями, мы пускаемся в пространные рассуждения о пагубном влиянии «дешевого читива» на непорочные юные души; мы потрясены до глубины души, когда узнаем, что наш посыльный променял «Эгоиста» или «Строителя Сольнеса»¹¹ на детектив. Существует обычай, в особенности у судей, приписывать добрую половину преступлений, совершаемых в столицах, пагубному воздействию дешевых романов. Если какой-нибудь чумазый отрок украл с лотка яблоко, судья глубокомысленно заключит, что сведения воришки о том, что яблоки утоляют голод, получены в результате тщательных литературных штудий. Сами мальчишки, раскаявшись, часто обвиняют во всем прочитанные романы, что, впрочем, только делает честь их недюжинной природной сообразительности. Если бы, подделав завещание, я сумел вызвать к себе сочувствие, сославшись на романы мистера Джорджа Мура, я был бы собой весьма доволен. И все же большинство людей твердо убеждены, что уличные мальчишки в отличие от всех остальных членов общества сообразуют свое поведение с печатным словом.

Между тем совершенно очевидно, что та неприязнь, которую питают судьи к дешевым сочинениям, не имеет ровным счетом ничего общего с их литературными достоинствами. Плохая литература — еще не преступление. Мистер Холл Кейн открыто ходит по улицам, не боясь, что его посадят в тюрьму за бездарность. Наша неприязнь основывается на убеждении, будто всякий роман, рассчитанный на подростков, преступен и низок по духу, что он вызывает к корыстолюбию и жестокости. Такова судейская теория — бред от начала до конца.

Насколько я могу судить, проблема дешевой литературы, распродаваемой с грязных книжных лотков в бедных районах, сводится, собственно, к следующему. Непрерывным потоком поступающее развлекательное чтиво примечательно тем, что даже в виртуозно описанных похождениях напрочь отсутствуют характеры, а стало быть, напрочь отсутствует страсть. Авторы этих непритязательных сочинений пускаются по проторенной дорожке, придав сюжету немного местного или исторического колорита, и создают раз и навсегда закреплённый тип искателя приключений: средневековый рыцарь, бретер XVIII века, современный ковбой, по сути дела, одно и то же лицо, изображённое наспех и лишённое каких бы то ни было индивидуальных черт. Такое безликое повествование способно вызвать не большее потрясение, чем созерцание условного узора на турецком ковре.

Среди этих историй есть и такие, которые с сочувствием описывают приключения разбойников, грабителей, пиратов; в них воры и убийцы предстают в возвышенном, романтическом ореоле. Иными словами, эти истории построены точно так же, как и «Айвенго», «Роб Рой» и «Дева озера» Скотта, «Корсар» Байрона, «Могила Роб Роя» Вордсворта, «Макэр» Стивенсона, «Железный пират» мистера Макса Пембертона и еще тысячи произведений, которые постоянно раскупаются на призы и рождественские подарки. При этом никому не придет в голову, что мальчик, который восхищается Локсли в «Айвенго»²¹, примется стрелять из лука по оленям в Ричмонд-парке, Мы знаем по себе, что бурная жизнь героев приключенческой литературы вызывает восторг у молодых людей не потому, что эта жизнь сродни их собственной, а потому, что она отлична от нее. Мы могли бы сообщить, что, чем бы ни руководствовался посылный, упивающийся «Кровавой мстью», он читает этот роман вовсе не потому, что жаждет крови своих друзей и близких.

В этом случае, как и во всех подобных случаях, мы совершенно теряем ориентацию, рассуждая о «низших классах», в то время как речь идет о всем человечестве, за исключением нас самих. Эта тривиальная романтическая литература вовсе не является уделом плебеев — она удел всякого нормального человека. Филантроп всегда помнит о существовании классов и иерархий. «Я пригласил поужинать двадцать пять рабочих», — скажет он, скромно любясь своим человеколюбием. Если бы он вместо этого сказал: «Я пригласил поужинать двадцать пять аудиторов», то выдал бы себя с головой. Точно так же поступаем и мы: мы исследуем развлекательную литературу как некое смертоносное заболевание, между тем как это всего лишь легкий недуг, которому подвержено всякое безрассудное и отважное сердце. Простые люди всегда будут сентиментальны — сентиментален тот, кто не скрывает свои сокровенные чувства, кто не пытается изобрести новый способ их выражения. В такого рода литературе нет, в сущности, ничего дурного. Она воплощает в себе привычное сочетание героики и оптимизма, тот трюизм, без которого невозможна человеческая жизнь. Совершенно ясно, что никакое общество не сможет чувствовать себя в безопасности, если юридический трюизм, гласящий, что совершать преступление преступно, будет восприниматься членами этого общества как оригинальная и острая эпиграмма.

Если издателям и авторам «Дика Мертвой Головы» вдруг пришло бы в голову нагрянуть к нам в библиотеки и читальные залы, конфисковать книги, которые мы пишем и читаем, и прочесть нам лекцию о том, как надо жить, что читать и писать, нам бы это вряд ли понравилось. А между тем у них к тому гораздо больше оснований, чем у нас, ибо они при всем своем идиотизме нормальны, а мы, привыкшие кичиться своим высоким интеллектом, безумны. В наше время именно «высокая» литература, а никак не развлекательная откровенно преступна и нагло развязна. В самом деле, на наших солидных письменных столах лежат солидные издания, проповедующие распутство и пессимизм, от которых содрогнулся бы всякий неискушенный читатель. Если бы неразборчивый торговец осмелился выложить на свой грязный лоток книги, воспевающие полигамию и самоубийство, его ничего не стоило бы привлечь к судебной ответственности. Мы же открыто упиваемся такими книгами. С невиданным доселе лицемерием мы чествуем уличных мальчишек за безнравственность, а сами в важной беседе (с каким-нибудь сомнительным немецким профессором) ставим под сомнение само понятие нравственности. Мы поносим дешевое чтиво за то, что оно вызывает к преступным инстинктам, а сами выдвигаем концепции инстинктивной преступности. Мы обвиняем (и совершенно напрасно) развлекательную литературу в нечистоплотности и беспринципности, а сами штудируем философов, возводящих беспринципность в жизненный принцип. Мы сетуем на то, что комиксы учат молодежь хладнокровно убивать, а сами прекраснодушно рассуждаем о бессмысленности бытия.

Главная угроза обществу кроется не в читателях комиксов, а в нас. Больны мы, а не они. Преступный класс мы, а не они. Мы — патологическое исключение. Большая же часть человечества остается верна своим непритязательным потрепанным книжкам, своим затасканным героям. У заурядного читателя, быть может, весьма непритязательные вкусы, зато он на всю жизнь уяснил себе, что отвага — это высшая добродетель, что верность — удел благородных и сильных духом, что спасти женщину — долг каждого мужчины и что поверженного врага не убивают. Эти простые истины не по плечу

литературным снобам — для них этих истин не существует, как не существует никого, кроме них самих. В самом захудалом и наивном грошовой романе заложены прочные нравственные устои, по сравнению с которыми изысканно-утонченные этические построения лишь эфемерный блеск и мишура. Знаток модной литературы слишком легко и виртуозно жонглирует этими этическими принципами, чтобы по-настоящему проникнуть в их суть. Коварного и жестокого врага следует убивать — мораль, прямо скажем, не самая глубокая, но и эта мораль лучше прославления коварства и жестокости, к которому призывают Д’Аннунцио и его последователи. До тех пор пока разлагающее влияние светской культуры не коснется здоровой и грубой плоти «дешевого читателя», его нравственные принципы не будут поколеблены. Грошовой читатель всегда проникнут жизненным оптимизмом. Бедняки, даже рабы, сгибающиеся под непосильным бременем жизни, бывали легкомысленными, сумасшедшими, жестокими, но никогда не теряли надежды. И в этом их преимущество перед нами. Их несурзная, с нашей точки зрения, литература всегда будет литературой «крови и грома», столь же естественной, как гром небесный и человеческая кровь.

Примечания

1. [↑](#) «*Строитель Сольнес*» (1892) — пьеса Г. Ибсена. «*Эгоист*» (1879) — роман Дж. Мередита.
2. [↑](#) *Локсли* — имя, под которым в романе В. Скотта «*Айвенго*» (1819) выведен Робин Гуд. В центре всех перечисленных выше произведений стоит романтизированный образ благородного разбойника.

Материал с сайта <https://wikilivres.ru>